

Краска бросается въ его высохшее, какъ пергамень, лицо.

— Вы намекаете, какъ уже часто дѣлали раньше, что я *malade imaginaire*.

Она безпечно пожимаетъ плечами.

— Я не думаю и никогда не думала, чтобы вы были на половину такъ больны, какъ это воображаете.

— Въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, вы скоро убѣдитесь въ противномъ.

Слова его и взглядъ такъ многозначительны, что съ минуту она испуганно глядитъ на него, но онъ указываетъ ей на дверь рукой, не будучи въ состояніи отъ досады проговорить ни слова. Но впечатлѣніе изглаживается прежде, нежели она сходитъ съ лѣстницы.

— Ба!—говорить она самой себѣ,—онъ переживетъ всѣхъ насъ!

Колоколь, призывающій къ табльдоту, уже прозвонилъ и жильцы направились въ большую, свѣтлую столовую, гдѣ скоро разсѣлись за двумя длинными столами, замѣтно пустѣющими по мѣрѣ того, какъ сезонъ подвигается впередъ. Белинда сѣла на свое мѣсто. Супъ уже съѣденъ, а *его* все еще нѣтъ. Какъ эти господа, напротивъ нея, пиятъ на нее глаза.

Она отчаянно обмахивается вѣеромъ, но профессоръ проситъ ее перестать, потому что боится простудиться.

— Куда запропастился Беллерсъ съ красной барышней; должно быть, онъ опрокинулъ ее въ воду и утопилъ. По дѣломъ ей!—шепчетъ Сара на ухо сестрѣ.—Ахъ, Боже мой!

Послѣднее восклицаніе заставляетъ Белинду вздрогнуть, при чемъ она не можетъ рѣшить: видѣлъ или не видѣлъ это движеніе вошедшій въ это время въ залу новый пріѣзжій, которому слуга почтительно пододвигаетъ стулъ за другимъ столомъ.

— Ты знала, что онъ здѣсь?—спрашиваетъ Сара очень тихо.

Но Белинда не отвѣчаетъ. Безумная радость сжимаетъ ей горло.

— Неужели ты знала?—настаиваетъ та:—неужели?...

— Чтожъ ты воображаешь развѣ, что я за нимъ послала?—спрашиваетъ Белинда, задыхаясь.—Виновата ли я, что онъ сюда пріѣхалъ?

Глаза ея свѣтятся такимъ гнѣвомъ, что Сара считаетъ болѣе благоразумнымъ замолчать.

— Вы ничего не ѣдите!—замѣчаетъ профессоръ, глядя на